

УДК. 159.922.4

АВАНЕСОВА Галина Алексеевна — д.филол.н., профессор кафедры истории, философии, культурологии Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова (109004, Россия, г. Москва, ул. Верхняя Радищевская, 16/18; gal-09@list.ru)

ИВАНОВА Елена Викторовна — к.филол.н., доцент, докторант Национального института бизнеса (111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5/1; quttatim@mail.ru)

ЭТНОГЕНЕЗ РУССКИХ И УКРАИНЦЕВ В РАМКАХ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ДЕРЖАВНОГО ТИПА

Аннотация: Путем сравнительного анализа в статье рассмотрены особенности этногенеза русского и украинского народов в процессе развития отечественной государственности с начала ее зарождения и до перехода от имперской к советской модели. Авторы исходят из того, что предыстория и первая стадия русского и украинского этногенезов полностью совпадают. Монгольское завоевание Киевской Руси положило начало разным этногенетическим процессам формирования древнерусской народности. В течение столетий этногенез русских и украинцев проходил в рамках разных государственных систем. Сопоставляются этнопсихологические, ментальные, культурные качества русских и украинцев; рассмотрены формы их участия в развитии российского государства державного типа. Русский народ к середине XIX в. сформировал в себе качества, свойственные нации современного типа. В то же время украинцы не всегда и не полностью отождествляли себя с Российским государством и цивилизационным пространством страны. Это привело к тому, что в конце XX в. оба народа перешли к построению собственной государственности.

Ключевые слова: Российская империя, Украина, этногенез, нациогенез, этнопсихологические качества, культура, локальная цивилизация, этнический характер, психоментальный тип, украинский национализм

Политологическая теория констатирует, что любое государство формируется при наличии ряда базовых компонентов: территории, народа (сейчас чаще говорят о нации), правовых институтов, организационных форм, культурных механизмов, обеспечивающих его развитие, и др. Однако теория не позволяет понять многие нюансы зарождения, расцвета или деструкции разных форм государственности у разных этносов. Так, она не в состоянии объяснить, почему в мире существует гораздо большее число народов, нежели государств; чем обуславливается огромный диапазон видов государственного устройства, форм политической организации и режимов власти; как складываются ситуации, когда одна часть разделенного народа формирует государство, а другая остается интегрированной в чужую государственность, и т.п. Многие сложные проблемы такого рода касаются процессов этногенеза и государственного развития у русских и украинцев. Попробуем провести сравнительный анализ их этно- и нациогенеза, начиная со времен Киевской Руси и кончая переходом от имперской к советской государственности, а также их участия в развитии отечественной государственности державного типа.

Многоликость этнонациональных качеств, поведения русских и украинцев, проявляющихся в процессе осуществления ими в течение длительного периода общего, а в настоящее время — самостоятельного государственного строительства, обусловлена также тем, что их психоментальные особенности, как у любого этноса, формируются из разнородных характерологических свойств. Так, среди них имеются, во-первых, врожденные свойства народа (антропологические, психические и др.); во-вторых, переходные от врожденных к культурно обусловленным качествам, приобретающим устойчивый характер (язык, ментальность, психологические и духовные особенности), хотя и способные к медленным трансформациям на протяжении многих столетий и даже тысячелетий; в-третьих, весьма подвижные, преходящие качества этноса, свойственные среднесрочной и оперативной шкале времени (на протяжении 30–100 лет). На этом уровне динамично трансформируются актуальные для своего времени государственно-правовые, социальные, худо-

жественные формы самосознания и деятельности народа, его способности взаимодействовать в соседними культурами, осваивать инновации, адаптируя их к своим традициям, и т.п.

Первоначальная фаза развития русской государственности и ее деструкция. Авторы, как и подавляющая часть исследователей, убеждены, что предыстория и первая стадия русского и украинского этногенезов полностью совпадают. В том и другом случае идет речь об одном и том же корне — о восточных славянах, ставших позднее древнерусской народностью княжеств Киевской Руси. Государственность Киевской Руси была общим истоком для институциональных форм организации русских и украинцев. Древняя (Киевская) Русь во главе с династией Рюриковичей за время своего существования смогла проявить себя как достаточно жизнеспособная структура, сдерживая и отражая нападение степных кочевников с юга, развивая хозяйственные и политические связи с соседними и более отдаленными странами Запада, Ближнего Востока, осмысляя в лице своих правителей и представителей духовной среды того времени базовые цели и смыслы государственного строительства. Немаловажно то, что население княжеств вокруг Киева позволило русским и жившим с ними другим народам осмыслять себя как единое сообщество, интегрированное общей верой — православием. Принципы православной веры и мировосприятия, принятые русскими в период формирования собственной государственности, а также более жесткие основы институциональной жизни проходили испытание, сравниваясь с жесткостью, естественной самоорганизацией. Период такого испытания, т.е. закрепление нового, оценивается современными исследователями в 200–250 лет [Переведенцев 2004: 83]. Вместе с тем киевский период был «детством» отечественной государственности, которое не миновали политические опасности, социальные дисбалансы, военные конфликты. По мере усиления этих противоречий Древний Киев не смог противостоять монголам, перестав существовать как государственный центр.

Монгольское владычество стало нелегким испытанием для русского этногенеза и для ранней русской государственности. Перемены вели к тому, что на территориях Древнего Киева начинали происходить во многом иные этногенетические процессы, нежели это было до монголов. В условиях монгольской агрессии были заложены будущие — на много столетий вперед — расколы, а в некоторых случаях — противостояния потомков древнерусской народности. Так, драматический характер приобрела разъединенность русских, живших на Киевщине и на Червонной Руси (Предкарпатье и Закарпатье), с русским миром северо-восточной части Европы. Часть современных антропологов и историков считают, что представители древнерусской народности вокруг Киева были почти поголовно уничтожены и современные украинцы не являются прямыми ее потомками. После разгрома Киева монголами в 1241 г. его земли опустели, и только через 150–200 лет к малочисленным потомкам древнерусской народности стали присоединяться выходцы с южных и западных от Киева территорий, т.е. с Ближнего Востока, с Карпат, из Литвы, Польши, передавая свои антропологические и культурные характеристики аборигенам [Алексеев 1972; Бутаков 2014]. На бывшей территории Древнего Киева начинали хозяйничать то одни, то другие государства и племена. И так длилось несколько столетий, на протяжении которых созревали формы будущего малоросского (точнее, центральноукраинского), а также русинского, галичанского (западноукраинского) характера и поведения.

Более масштабными были русские земли к востоку от Киева, оказавшиеся под властью монголов, а также к северо-востоку, которые монголы не занимали. Эти княжества сохранили многие формы прежней русской самоорганизации, государственности и культурной жизни, которые монголы контролировали, но не разрушали. Здесь началась политика русских князей, направленная на собирание земель вокруг Москвы. Этому способствовали проповедничество православной церкви, а также формируемые в борьбе за свое государство этнопсихологические качества русских людей: преодоление страха перед беспощадным противником, умение выждать момент его ослабления и одновременно готовиться к открытой борьбе. Русские умели ладить с соседями-аборигенами — угро-финскими племенами, с

которыми заключали союзы против монголов. Кроме того, русских мотивировали на выдержку и упорство более суровый климат, малозаселенные и низкоплодородные земли.

Новое государственное строительство в Московии и объединение русских с малороссами. Московские князья сознательно строили сильное централизованное государство. Серьезным контрастом с древнекиевским периодом являются неоднократные попытки московских царей и монашеской среды осмыслить духовный статус и стратегические ориентиры своей государственности. В русской традиции подобное понимание роли царской власти восходило к апокалиптическому осмыслению опасных для православия изменений в окружающем мире — исчезновения Византии под натиском мусульманского мира, попрания в католических странах Западной Европы христианской морали и государственного порядка. Мыслители Московии призывали следовать заветам Христа, что позволило бы сохранить «удерживающего», т.е. православное царство, державу во главе с монархом, церковью и верующими, которые должны выстоять в вере до конца света. Эти процессы государственного строительства XIV–XVII вв. переплетались с формированием великорусской народности, которая становится целостной общностью к началу XVIII в.

Современников поражало быстрое территориальное расширение Московии, включение в ее состав множества иных народов, среди которых оказались и недавние завоеватели-монголы, а также сообщества, этногенез которых только зарождался (современные татары). В XVII в. произошло воссоединение с частью населения западных русских земель (Малороссией), до этого бывшей под государственным управлением поляков и соприкасавшейся с немцами, турками и другими неславянскими народами. Интегрированные в русское государство запорожское казачество, крестьяне, жители местечек и крупных центров привносили в московскую культуру те элементы новых знаний, языка, духовных ценностей, которые определялись их связями с этносами Центральной и Западной Европы, Ближнего Востока. Это способствовало тому, что Московия становилась Россией, преодолевая изоляцию от стран Запада.

Позже у апологетов «самостийной» государственности XIX–XX вв. закрепились романтизированные представления о типичном украинце. В их основе — качества запорожских казаков (боевое братство, свободолюбие, бессребрничество, преданность православию), а также трудолюбие и хозяйственность, идущие от крестьянской среды и горожан [Савельев 2010]. С этих позиций описывал наиболее пассионарную русскую часть запорожских казаков Н.В. Гоголь в книге «Тарас Бульба». Однако реально в казачьем характере были не только рыцарство, но и тяга к разбою, своеволию, внешней позе. У крестьян Киевщины складывался более уравновешенный характер; они во многом сосредоточивались на хозяйстве и собственности, их кругозор ограничивался сельской округой, не поднимаясь до уровня осознания собственной государственности. В истории те и другие черты перемешивались, налагались друг на друга, синтезируя сложную амальгаму поведенческих норм, эмоционально-чувственных стереотипов. В итоге рождался малоросский характер (названный позже центральноукраинским психоментальным типом), явно несхожий с характером великоросса.

В целом центральноукраинский тип психологически по сравнению с русским более живой, реактивный, в нем сочетаются разные характерологические черты, придающие его поведению непоследовательность, порой — конфликтность. Данный тип особенно активизируется в условиях неустойчивой политической обстановки, ослабления государственно-правовой регуляции. О противоречиях украинского характера (среднеукраинский подтип) немало справедливого написано Н.И. Ульяновым [Ульянов 2007]. Малоросская уступчивость, мягкость соседствуют в украинской среде с импульсивностью, эмоциональной агрессией; противоречивое поведение сочетается с верой в то, что проблемы социальной организации требуют простых и быстрых решений; недоверие к регулярной военной дисциплине и праву уживается с мечтаниями о своем государстве. Этот набор качеств ярко проявлял себя у представителей запорожских товариществ и сельских малороссийских

сообществ, а затем в XIX в. — среди радикальных групп украинских интеллигентов, мечтавших о сепаратизме. Позже он актуализировался в поведении многих украинцев в Гражданской войне начала XX в., а затем у участников «оранжевой революции», у киевской толпы на Майдане в постсоветской Украине.

Указанные противоречия характера и поведения ослабляли усилия запорожцев по созданию своего государства, что вынудило их отказаться от этого начинания. В итоге после колебаний, к какому сильному соседу примкнуть, военный совет казачества на Переяславской раде (1654 г.) принял решение о присяге на верность «Православному Великия России Государю, Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу всея России Самодержцу Восточному» [Воссоединение ... 1953: 373].

Русские и малороссы в Российской империи. В ходе реформ Петра I совместными усилиями властей и русских людей Российское государство постепенно обретает новую мощь; его современные формы, отчасти заимствованные на Западе, разрастаются до масштабов огромной империи с множеством европейских и азиатских народов. Этногенез русского народа в условиях имперского государства продолжается в гораздо более сложных внутренних и внешних обстоятельствах. С одной стороны, великороссы становились ядром большой русской нации, или русского суперэтноса, включавшего, помимо великорусов, малороссов, белорусов, также и обрусевшие анклавы ряда других этносов империи [Баранов, Конов 2009: 71]. По психологическим, ментальным, мировоззренческим установкам русские люди продолжали оставаться прежде всего устойчивыми государственниками, общинниками и первопроходцами, сторонниками православной морали. В то же время они ценили семейно-родственные взаимодействия, личное своеобразие и неповторимость каждого человека, но не замыкались на них. В целом плодотворные усилия разных русских сословий, культурных и региональных групп дают основания считать русский народ первым среди других этносов страны, начавшим в середине XIX в. формировать в себе качества, свойственные нации современного типа.

В итоге их усилий вокруг русской культуры имперского периода кристаллизуется мощный ярус российской культуры, характер которой следует отнести к особо сложному — локально-цивилизационному типу. Впервые мысль об особом культурно-историческом типе России в середине XIX в. обосновал Н.Я. Данилевский в труде «Россия и Европа» [Данилевский 2003]. В XX в. подобные представления о российской культуре были конкретизированы в теории локальных цивилизаций. Сущность такой культуры нельзя свести лишь к имперским свойствам. Уже в XIX в. отечественные аналитики рассматривают российскую культуру в качестве культурно-исторического типа (локальной цивилизации), для которого была характерна «цветущая сложность» [Данилевский 2003; Леонтьев 2004]. В Российской империи были сохранены, наделены гражданскими правами множество племенных и этнических образований, конфессиональных сообществ и групп. Именно сохранены, а не ассимилированы, не истреблены, не отстранены от активной жизни имперского организма. Отметим, что, например, Британская империя оказалась не в состоянии достигнуть подобных результатов.

Заметные трансформации происходили в Российской империи и с малороссами. После реформирования Екатериной II запорожского казачества, население Малороссии начинает активно осваивать гражданское поведение в рамках сложной государственности и во взаимодействии с великорусской культурой — с аристократической, письменной, а также с народной, фольклорно-низовой. Население малороссийских губерний развивалось на тех же административно-правовых основах, что и жители центральноевропейских территорий. Нашествие Наполеона вызывало у граждан Малороссии те же импульсы поведения, что и у русских: формирование ополчения, сбор средств и др.

В городах Украины создается практика двуязычия при активном владении образованными малороссами литературным русским языком. Многие малороссы и русские люди задумывались над взаимодействием своих культур. Сторонник свободного развития великорусской и малороссийской культуры М.П. Драгоманов, уме-

ренный украинофил, следующим образом выразил принцип взаимодействия двух этносов: «Неразделимо, но несмесимо». Эта формулировка, на наш взгляд, удачно передает глубинное переплетение русской и малоросской ветвей этногенеза на данном этапе истории. Немалая часть малороссов сознательно определялись в рамках двойной идентичности, чувствуя себя украинцами и русскими. В их развитии того времени нельзя было обнаружить элементы ассимиляционного, принудительного или конфликтного начала; скорее, были в наличии позитивные эффекты их этногенеза. Полагаем, что подобные тенденции демонстрируют достаточно редкий пример тесного этногенетического развития близких этносов, которые продолжают оставаться самостоятельными в этнопсихологическом и культурном плане.

Вместе с тем малороссы далеко не всегда и не полностью отождествляли себя с Российской империей, с цивилизационным пространством страны. Многим из них нелегко давалось понимание державных целей имперского государства как инструмента защиты российских народов от посягательств извне, как поддержки многочисленных этносов, социально уязвимых сословий и др. Важно также подчеркнуть раздвоенную структуру малоросского самосознания. Среди широких слоев малороссов были распространены устремления к взаимодействию с русскими в общем государстве. Но в интеллигентской среде создавался другой семантический полюс, нацеленный на собственное государство. В XIX в. представители этого полюса еще не проявляли желание перейти к практическому созиданию государства, оставаясь зависимыми от идейных влияний извне, чутко улавливая нюансы антирусской и антироссийской мысли со стороны поляков, немцев, австрийцев. Но в редких случаях образованные малороссы уже проявляли неприязненное отношение к Российской империи и к русскому народу (знакомство с литературным наследием Т.Г. Шевченко это подтверждает).

Нациогенез русских и украинцев в условиях распада имперской государственности и перехода к советской институциональной модели. Ответственное отношение к российской державе было присуще подавляющей части русских людей до тех пор, пока империя позволяла поддерживать межэтнические балансы, устойчивую общественную динамику, высокие государственные смыслы. Но на рубеже XIX–XX вв. картина меняется: в российском обществе стремительно нарастают политические риски, межэтнические и социальные противоречия, на которые государство не может достойно ответить. Имперская элита утрачивала способность регулировать угрозы извне и разрешать внутренние кризисы; она не смогла выработать адекватную оценку роли русского народа в стремительно меняющейся России.

В этот период с Запада в российское общество целенаправленно канализируются идеи революции, представления о демократических свободах, социальном и техническом прогрессе. Не без помощи внешних сил создаются радикалистские партии, ставящие целью изменить государственный строй, форму правления. Таким образом, в контексте зарождающегося глобального мира русский народ, другие этносы России стали первыми, против кого Запад задействовал формы информационного воздействия и психологической обработки [Перетолчин 2014; Фурсов 2014; De Conspiratione 2013].

Не случайно в период революционного кризиса, затем распада империи и Гражданской войны (1917–1920 гг.) у разных групп украинских националистов появляется надежда на легкость отрыва от Российского государства и создание самостоятельной Украины. Позже сходная ситуация складывается в условиях Великой Отечественной войны, когда радикалами-националистами Западной Украины двигали аналогичные цели и надежды. Представители разных этапов развития украинского национализма (М.С. Грушевский, П.П. Скоропадский, С.В. Петлюра, Н.И. Махно, С.А. Бандера, Р.И. Шухевич и др.) пытались сотрудничать с российскими либералами, затем с большевиками, во время войн — с немецкими захватчиками. Всякий раз они оказывались инструментом в руках теневого и циничных, подчас недалеких политиков. Но своих целей они тогда так и не добились.

Рассмотрим, какими принципами руководствовались представители новой власти — радикалы-большевики — в понимании межнациональных отношений и в русском вопросе. Советская власть на первом этапе своего развития выстраивала

весьма несбалансированную политику в сфере этнонациональных отношений. Она покоилась на принципах, заложенных В.И. Лениным [Ленин 2014], формируясь на смещении акцентов современного развития в пользу этносов национальных окраин, но не русских. Русские долгий период оставались у новых властей на подозрении как носители «великодержавного шовинизма». Трехединая сущность большой русской нации целенаправленно разрушалась через усиленное развитие национального самосознания у украинцев и белорусов. Вместе с тем против ряда русских сословий и субэтносов в этот период осуществлялись беспрецедентные в истории репрессивные меры. Так, перестало существовать дворянство, купечество, предприниматели и др.; значительная часть казаков на всех территориях их расселения была физически уничтожена, другая их часть оказалась в зарубежном изгнании. Тем самым ставилась под угрозу тенденция этногенеза, формирующая русских в ядро современной сложно структурированной нации.

Сформулируем некоторые выводы из нашего анализа. Близкородственные этносы – русские и украинцы, будучи на протяжении нескольких столетий разделенными государственными границами, развивали у себя неодинаковые качества, что постепенно формировало их как достаточно самостоятельные единицы. Этногенетические особенности по-разному мотивировали их активность в рамках российской государственности. Русские явились ведущими создателями государственно-державного организма, способного в Новейшее время выступать субъектом стратегических действий в мировом масштабе. Это выработало у русских людей чувство ответственности за его сохранение и дальнейшее развитие.

Украинцы в лице представителей среднеукраинского подтипа на протяжении последних двух столетий помогали русскому народу укреплять державное строительство, но не всегда глубоко осознавали историческую роль этого процесса, его конструктивные функции по отношению к народам Евразии. Положительный эффект такого сотрудничества выражался в освоении украинцами разных сторон государственного строительства, в решении масштабных социокультурных задач. Однако отсутствие у украинцев опыта самостоятельного государственного управления, расколотость их самосознания, противоречивость характера не позволили значительной их части оценить сотрудничество с русскими как позитивный фактор своего этногенеза.

Список литературы

Алексеев В.П. 1972. *В поисках предков: антропология и история*. М.: Советская Россия. 304 с.

Баранов С.Д., Конов Д.В. 2009. *Русская нация. Современный портрет*. М.: Миттель Пресс. 536 с.

Бутаков Я. 2014. *Проект Русь–Украина*. Доступ: <http://www.otechestvo.org.ua/main/200710/2229.htm> (проверено 15.01.2015).

Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы: В 3 т. Т.3 1651–1654 гг.: Завершение борьбы украинского народа за воссоединение с Россией. Переяславская рада (сост. П.К. Павлюк, Д.И. Мышко, Е.С. Компан). 1953. М.: Изд-во АН СССР. 646 с.

Данилевский Н.Я. 2003. *Россия и Европа*. М.: Эксмо. 638 с.

Ленин В.И. 2014. *О национальной политике: сборник статей*. М.: Центрполиграф. 128 с.

Леонтьев К.Н. 2004. Византизм и славянство; Владимир Соловьев против Данилевского; Грамотность и народность и др. – *Храм и церковь*. М.: АСТ. 636 с.

Переведенцев С. 2004. *Смысл русской истории*. М.: Вече. 496 с.

Перетолчин Д. Ю. 2014. *Мировые войны и мировые элиты*. М.: Книжный мир. 414 с.

Савельев Е.П. 2010. *Древняя история казачества. Историческое исследование в трех частях*. М.: ВШ. 480 с.

Ульянов Н.И. 2007. *Происхождение украинского сепаратизма*. М.: Грифон. 296 с.

Фурсов А.И. 2014. *Холодный восточный ветер русской весны*. М.: Книжный мир. 320 с.

De Conspiratione [О заговоре]: сборник монографий (сост. А.И. Фурсов). 2013. М.: Товарищество научных изданий КМК. 521 с.

AVANESOVA Galina Alekseevna, Dr.Sci.(Philos.), Professor of the Chair of History, Philosophy, Cultural Studies, Moscow State University for Humanities named after M.A. Sholokhov (Verhnijaja Radishhevskaja st., 16/18, Moscow, Russia, 109004; gal-09@list.ru)

IVANOVA Elena Viktorovna, Cand.Sci.(Philos.), Associate Professor, Doctoral Candidate in the National Institute of Business (Yunosti st., 5/1, Moscow, Russia, 111395; quttatim@mail.ru)

ETHNOGENESIS OF THE RUSSIANS AND THE UKRAINIANS IN THE FRAMEWORK OF THE IMPERIAL STATEHOOD

Abstract. On the base of comparative analysis the authors analyze the features of the ethnogenesis of the Russian and the Ukrainian peoples during the development of national statehood since its foundation till its transition from imperial to the Soviet model. The authors assume that the background and the first stage of the Russian and Ukrainian ethnogeneses coincide. Mongol conquest of Kievan Russia gave start to the different processes in the formation of the ethnogenetical descendants of the ancient Russian nationality. For centuries ethnogenesis of the Russians and Ukrainians took place in the frameworks of the different state systems. The authors compared ethno-psychological, mental, and cultural characteristics of the Russians and Ukrainians and considered the forms of their participation in the development of the Russian state in the imperial period. By the middle of the 19th century the Russian people formed the attributes of the modern nation. At the same time the Ukrainians not always identified themselves with the Russian state and its cultural space. All this led to the situation when in the late 20th century both nations have moved to the construction of their own states.

Keywords: Russian Empire, Ukraine, ethnogenesis, nation genesis, ethno-psychological quality, culture, local civilization, ethnic character, psychomental subtype, Ukrainian nationalism

ЖВИТИАШВИЛИ Анатолий Шалвович, к.и.н., ведущий научный сотрудник отдела социальной структуры Института социологии РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; zhvitiashvili-a@mail.ru)

СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье предлагается модель классовой структуры российского общества в постсоветский период. Особое внимание обращается на взаимосвязь типа общества и его социально-стратификационной структуры. Понятие класса – не устаревшая конструкция, а важный аналитический инструмент в изучении социальных процессов. Классовая карта составлена на основе ресурсного подхода. Автор выделяет основные классовые группы. Существующая классовая структура во многом объясняет состояние современного российского общества и указывает на возможности его обновления.
Ключевые слова: социальная структура, классовая структура, формы капитала, тип общества, этакратизм

Трансформация российского общества в постсоветский период поднимает проблемы его стратификационной структуры.

Прежде чем предложить классовую модель современного российского общества, определим его тип. В отечественной социологической литературе доминируют две основные оценки. Постсоветское общество определяют либо как этакратическое [Нуреев 2001; Бессонова 2008; Шкаратан 2012], либо как капиталистическое [Очкина 2009]. Точку зрения об этакратическом устройстве России подтверждают